

УДК 94(474.5)

М. Е. Мегем

**«НАТИСК НА ВОСТОК»
В СОВЕТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Статья посвящена анализу концепции «Натиск на Восток» в советском историческом дискурсе. Выделены опорные точки концепции, на основе которых строится ее теоретический каркас.

This article analyses the "thrust toward the East" concept in the Soviet historical discourse. The author identifies the bases of this concept underlying its theoretical framework.

Ключевые слова: «Натиск на Восток», «Drang nach Osten», крестовые походы в Юго-Восточную Прибалтику и на Русь, Ледовое побоище, Александр Невский.

Key words: «Onsurge to the East», «Drang nach Osten», Crusades to South-East Baltics and Russia, Battle on the Ice, Alexander Nevsky.

Тема крестовых походов в Прибалтику достаточно популярна, и поле ее интерпретаций очень широко. Та или иная трактовка зависит, прежде всего, от исторической эпохи, в которой она появляется. Одна из таких концепций возникает в 30-е гг. XX в. в Советском Союзе и называется «Натиск на Восток», или «Drang nach Osten»¹.

В советское время хорошо понимали значимость прошлого для становления настоящего. Историческая наука активно использовалась советской идеологической машиной для пропаганды, формирования мировоззрения и становления коллективных представлений о прошлом. Рассматривались только те события, которые были важны для современной советской действительности. Факты, не соответствовавшие этим установкам, предавались забвению. Историки не только отбирали определенные данные, на основании которых реконструировали историю, но и рассматривали их с позиций догм «марксистско-ленинского учения».

Мы не ставим задачу разоблачить воззрения советских ученых. Необходимо понимать те условия, которые влияли на взгляды историков в СССР, формировали их методологические и историографические подходы. Также нужно помнить, что эта историческая субъективность во многом связана с той системой ценностей, с теми ценностными ориентирами, которые господствовали в то время.

Концепция «Натиска на Восток» — один из примеров, когда историческая наука была мобилизована на службу интересам Советского Союза. Напряженная обстановка между фашистской Германией и СССР вылилась в информационную и идеологическую войну, которая велась в том числе и историками 1930—1940-х гг. В этой войне советские исследователи должны были отвечать за идейную оборону родной страны. А. Свешников считает, что «скорость реакции стала важным принципом научной деятельности историков» [14].

Медиевисты очень быстро нашли тему, которая раскрывала бы враждебную историческую природу германского милитаризма. В связи с этим был опубликован ряд работ, посвященных агрессии немецких крестоносцев в Прибалтику и на Русь². Не случайно в это же время в кинотеатрах демонстрировался знаменитый фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» о кровожадных рыцарях Тевтонского ордена, «кровью заливших» русскую землю³. Именно этот

¹ В советское время существовали и другие концепции «Drang nach Osten». Например, коллектив авторов во главе с В.Д. Королюком исследовал немецкий внешнеполитический курс, именуемый «восточной политикой» и проводимой с момента образования Германской империи в 1871 г. до конца Первой мировой войны.

² Например: Грацианский Н.П. Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV вв. // Историк-марксист. 1938. № 6. С. 87—111; Против фашистской фальсификации истории: сб. науч. ст. М.; Л., 1939.

³ В работе Ф. Шенка. «Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000)» подробно анализируется символика в фильме «Александр Невский».

фильм во многом и заложил в культурной памяти советского народа основные стереотипы и представления о немецком «Drang nach Osten».

Временное исчезновение темы «натиска» из исследовательского пространства было связано с заключением в 1939 г. пакта Молотова – Риббентропа [18, с. 395]. В течение двух лет критика фашистской Германии находилась под негласным запретом. В этом же году фильм «Александр Невский» был отправлен на полку. Панорама исторической реальности изменилась в очередной раз [14].

С началом Великой Отечественной войны концепция «Натиска на Восток» опять возвращается на «передовую» советской медиевистики, но теперь уже на более высоком пропагандистском уровне. Интерес ученых вызывают исторические символические параллели. Немецкие «агрессоры» в 1941 г., как и 800 лет назад, двинули свои «полчища» на Восток, коварно совершив нападения на русские земли без объявления войны. Согласно М. А. Заборову, даже «свой злодейский план нападения на Советский Союз гитлеровцы назвали именем немецкого предводителя третьего крестового похода, императора Фридриха I Барбароссы» [4, с. 237]. Неудивительно, что в годы войны именно в честь Александра Невского был учрежден орден – новгородский князь олицетворял мужество и отвагу.

Во время «холодной» войны СССР борется с «тлетворным» влиянием капиталистического мира, на горизонте появляются новые враги. Медиевисты обновляют содержание концепции и концентрируются на новых объектах исследования (например, Папская курия, шведские и датские крестоносцы). И хотя после окончания Второй мировой войны тема «Натиска на Восток» становится не столь актуальной, «Drang nach Osten» находит свою нишу, надолго закрепившись в советском историческом дискурсе.

Концепция «Drang nach Osten», возникшая в 30-е гг. XX в., в последующем обрастает новыми подробностями. Историки создают миф, прочно утвердившийся в культурной памяти народа. Показательно и то, что исследователи уделяют внимание одним и тем же историческим фактам. Благодаря строгому соблюдению сюжета создаются ключевые образы событий, которые в повседневной жизни присутствуют в активной памяти и не требуют усилий для вспоминания.

Опорные точки концепции можно свести к шести основным моментам. Это вопросы, связанные с причинами и целями крестовых походов в Юго-Западную Прибалтику и на Русь, с образами «врага» и «своего», с методами завоевания, с концептами Невской битвы и Ледового побоища, с образом новгородского князя Александра Невского.

Причины и цели. После ряда крупных неудач на Ближнем Востоке вектор агрессии крестоносцев в начале XIII в. смещался в сторону Европейского континента. Несмотря на это, согласно советским историкам, мотивы, которые заставляли рыцарей покидать свои дома и отправляться в дальние походы, остаются прежними. Это захват земель и богатств [7, с. 694; 4, с. 210], «грабеж» [15, с. 47], «колониальное ярмо» для оккупированных народов [11, с. 15].

По мнению ученых, рыцари издревле пытались насильственно подчинить балтские и славянские племена [5, с. 88]. Череда вторжений в XIII в. на юго-восточное побережье Балтийского моря была лишь одним из этапов их наступления на Восток [10, с. 106], которое «вошло в систему военно-колониального движения крестовых походов» [5, с. 88]. Кроме того, существование колоний в этом регионе позволяло западноевропейским феодалам контролировать Балтийское море и, соответственно, торговлю, что служило еще одним источником их обогащения [10, с. 107].

Одна из идей, которая прослеживается в трудах советских исследователей, такова: захват прибалтийских земель был только прелюдией к решению основной задачи – экспансии крестоносцев на русские земли. Это и было той конечной целью, которую постоянно преследовали как рыцари-феодалы, так и Папская курия с германским императором [10, с. 107; 17, с. 170].

Образ «врага». Идея «врага» в концепции «Натиска на Восток» соотносится с инициаторами и участниками крестовых походов на Русь и Юго-Восточную Балтику.

Большинство авторов довоенного периода идентифицируют виновников «кровавого Drang nach Osten» по национальному признаку; движущая сила здесь – немецкие рыцари-феодалы [3, с. 147]. Эти «разоблачения фашистского мракобесия» [14], создание отрицательного образа врага в исторической ретроспективе связаны с пропагандистской задачей. Образ «закованного в железо» немецкого крестоносца за годы войны настолько укоренился в исторической литературе, что многие историки следующих поколений воспринимали это клише как данность.

После окончания Второй мировой войны фабула концепции несколько меняется, появляются другие инициаторы агрессии на балтские и русские земли. Наряду с милитаризмом «хищных

германских рыцарей» [4, с. 209] исследуется и роль шведских и датских рыцарей в крестовых походах в Юго-Восточную Прибалтику. Но если датские крестоносцы интересны медиевистам лишь в контексте покорения западноевропейскими феодалами Северной Эстонии, то шведские рыцари занимают в «Натиске на Восток» куда более важную роль. Шведы посягали не только на балтские земли, но и на русские территории, что сразу переводило их в категорию главных «врагов». Кроме того, шведские крестоносцы были связаны с одним из основных концептов «Drang nach Osten» — с Невской битвой.

Анализируя причины «натиска», советские историки сходятся во мнениях, что среди основных инициаторов кровавого «Drang nach Osten» была католическая церковь во главе с римскими папами. Папская курия активно участвовала в подготовке наступления крестоносцев, содействуя и поддерживая «агрессивное наступление немецких, шведских и датских феодалов» [7, с. 14]. Кроме того, «апостольский престол нашел предлог для крестовых походов: славяне и прибалтийские племена коснеют в язычестве. Но папство под лозунгами христианизации скрывало свои истинные намерения. Жажда богатства, ограбление и захват земель — вот чем руководствовались западноевропейские клерикалы» [12, с. 64].

Национальность и религия — не единственные критерии, по которым классифицировались инициаторы «натиска». В соответствии с марксистско-ленинской доктриной, медиевисты акцентируют внимание на классовом характере военных кампаний, феодально-колониальной природе политики крестоносцев. Главными «врагами» выступают феодалы и торговцы. Первые отправлялись в Юго-Восточную Прибалтику и на Русь, чтобы добыть себе новые земли вместе с крестьянами, которых можно было бы эксплуатировать [5, с. 89; 12, с. 5]; вторые шли за дешевыми товарами и легкой прибылью [5, с. 89].

Образ «своего», или «друга». «Свои» в концепции «Натиска на Восток» — это все, кто противоборствует крестоносной агрессии. В связи с этим для советских историков «свои» — это и русские княжества, и балтские народы. Интересно, что разные русские княжества выступают в данном контексте как одно целое, т.е. как единый народ, который дал отпор наступлению западноевропейских рыцарей. Понятие «единая Русь» доминирует над понятием «независимые княжества». Новгородская и Псковская республики рассматриваются только в контексте совместной борьбы, а не как отдельные государственные образования, имевшие собственные интересы. Согласно В.Т. Пашуто, в Ледовом побоище новгородцы — это прежде всего русские люди, которые «сражаются за правое дело, т.е. за родину» [9, с. 77].

Также медиевистами с позиции «друг» рассматриваются балтские народы, которые пострадали от действий «хищных рыцарей». Литовцы, ливы, эсты, пруссы сопротивлялись «Drang nach Osten», в связи с чем становятся «своими». Но их борьба с крестоносцами без поддержки со стороны Руси была обречена на провал, так как, по мнению исследователей, балтские племена «не имеют достаточно сил, чтобы дать отпор врагу» [6, с. 48]. Народы Прибалтики вынуждены искать помощи у Руси, которая «являлась единственной силой, могущей противостоять натиску крестоносцев» [7, с. 14].

Балтские племена в концепции «натиска» оказываются «своими» еще и потому, что Юго-Восточная Прибалтика до прихода крестоносцев имела тесные связи с Русью, которая «способствовала распространению в этих землях феодальной культуры и ускоряла социально-экономические отношения». Так, по мнению В.Т. Пашуто, «русское господство в Прибалтике не сопровождалось ни военной оккупацией подвластной территории, ни массовой колонизацией, ни насильственной христианизацией» [7, с. 695].

Методы завоевания. Интерес к этой теме не случаен. Акцентируя внимание на особенностях методов завоевания и используя целый ряд клише, историки формировали отрицательный образ крестоносцев.

Популярная тема для медиевистов — исключительная жестокость крестоносцев [5, с. 88]. Советские историки описывают, как западноевропейские рыцари во время военных кампаний «массово истребляли покоренное население» [7, с. 692], совершали «насилия, ограбления и поджоги». Если местных жителей не убивали, то обращали в рабство [3, с. 147]. Для утверждения своего господства крестоносцы совместно с клерикалами «навязывали католическую веру, распространение которой сопровождалось страшным насилием» [5, с. 89]. Все эти действия приводили народы к вымиранию и ассимиляции [11, с. 15].

Тактика рыцарей, по мнению ученых, заключалась в применении вероломных приемов, таких как раздоры между местным населением и разобщенность русских князей [10, с. 89, 111].

Невская битва и Ледовое побоище. В 1240 г. шведские рыцари на берегах Невы были разбиты новгородским ополчением. Через два года, в 1242-м, на льду Чудского озера уже немецкие

крестоносцы потерпели поражение от новгородской дружины во главе с Александром Ярославичем. Эти два сражения стали центральными моментами концепции «Натиска на Восток».

Исторические источники XIII в. практически ничего не сообщают об этих баталиях [2, с. 186], а с 80-х гг. XIII в. начинают складываться различные стереотипы вокруг Невской битвы и Ледового побоища [2, с. 183]. В советскую эпоху мифологизация этих событий активно продолжается.

В историческом дискурсе Советского Союза мифотворчество касается, прежде всего, масштаба и последствий Невской битвы и Ледового побоища, а также образа новгородского князя Александра Ярославича. Стереотипные представления об этих событиях медиевисты начали создавать еще в довоенное время, но с началом Великой Отечественной войны данная тематика начинает активно использоваться для пропаганды и поднятия боевого духа советского народа.

Что касается масштаба рассматриваемых событий, то в своих работах В.Т. Пашуто называет Ледовое побоище «дотоле невиданной» [9, с. 77] и «крупнейшей битвой раннего Средневековья» [7, с. 851]. Для И.П. Шаскольского Невская битва — это «одна из крупнейших битв в многовековой истории нашей страны» [16, с. 15]. Но, по верному замечанию И.Н. Данилевского, «таких сражений в XIII в. было слишком много», и на их фоне Невская битва и Ледовое побоище ничем не выделяются [2, с. 187].

Основной итог Невской битвы и Ледового побоища заключается в том, что после поражения рыцарей на льду Чудского озера «Натиску на Восток» впервые был положен «предел» [7, с. 851]. То есть эти победы одновременно «спасли русский народ от иноземного порабощения» [7, с. 15] и «оказали могучее воздействие на усиление национально-освободительной борьбы прибалтийских народностей» [5, с. 104]. Разгром западноевропейских феодалов «вместе с тем был поражением многолетней политики папства», т.е. одного из главных идеологов крестовых походов [8, с. 304]. Однако эти же историки приводят в своих работах множество фактов, которые показывают, что натиск крестоносцев после Невской битвы и Ледового побоища не прекратился [2, с. 196], и это рождает противоречия.

Образ новгородского князя — центральный в концепции «Drang nach Osten». Вдобавок Александр Невский — один из главных персонажей советского пантеона героев. Историки не случайно обратились к его фигуре. Александр Ярославич — крупный политический деятель XIII в., полководец, имевший успешный опыт в борьбе с западноевропейскими «агрессорами». Решительный и талантливый военачальник вместе с русским народом сметает «полчища» крестоносцев [9, с. 67]. Новгородский князь олицетворяет собой победителя, для которого «оберечь северо-западную границу Руси — дело чести» [9, с. 61].

На формирование данных ключевых, опорных моментов рассматриваемой концепции, несомненно, оказывают влияние и особенности используемой учеными лексики. Главным образом это создается за счет применения экспрессивных и резко негативных характеристик крестовых походов в Юго-Восточной Прибалтике и на Руси.

Медиевисты называют крестоносцев «разбойниками» [7, с. 782], «поработителями» [1, с. 284], «хищниками» [4, с. 209] и «насильниками» [13, с. 110], которые с помощью «огня и меча» превратили «цветущие страны в пустыню» (К. Маркс, цит. по: [3, с. 147]) и насадили «феодальное иго» [10, с. 116]. Немецкие рыцари называются «псами-рыцарями» и «прохвостами» — именно такую характеристику Тевтонского ордена ввел в обиход Карл Маркс. Часть выхваченных из контекста размышлений основоположника марксизма о крестовых походах легла в основу советского исторического дискурса. «Благодаря авторитету Маркса эти несколько предложений уже считались безошибочными, а место публикации делало их как бы сакральными формулами» [18, с. 285].

В соответствии с этим балтские племена оказываются «угнетенными народами», «рабами» и вместе с русским народом «жертвами», которые «героически» борются с натиском крестоносцев.

Используя такие слова, как «агрессия», «псы-рыцари», «героическая и, освободительная борьба», советские ученые создают образы «врага и героя», «плохого и хорошего», «своего — чужого».

Итак, концепция «Drang nach Osten» представляет собой идеологизированную репрезентацию прошлого, которая обладает значительной устойчивостью. Главная цель концепции «Натиск на Восток» — показать, что «коварная» политика западноевропейских феодалов и папства обречена на провал, а «героическая», «справедливая» освободительная борьба балтских племен и русского народа одержит победу.

Список литературы

1. Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв. М., 1966.
2. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 2001.
3. Грацианский Н. П. Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии // Против фашистской фальсификации истории. М.; Л., 1939. С. 135—155.
4. Заборов М. А. Папство и крестовые походы. М., 1960.
5. История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т. 1.
6. История СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1966. Т. 2.
7. Очерки истории СССР. Период феодализма IX-XV вв. М., 1953. Т. 1.
8. Паклар Э. К. Где произошло Ледовое побоище? // Исторические записки. АН СССР, Ин-т истории. М., 1951. Т. 37. С. 304—315.
9. Пацуто В. Т. Александр Невский. М., 1974.
10. Пацуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 1956.
11. Пацуто В. Т., Салов В. И., Хорошкевич А. Л. Против фальсификации истории нашей Родины. М., 1961.
12. Пацуто В. Т. Реваншисты-псевдоисторики России. М., 1971.
13. Разин Е. А. История военного искусства. История военного искусства VI—XVI вв. М., 1940. Т. 2.
14. Свешников А. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930—1940-х годов. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/cv8-pr.html>
15. Хвостов В. М. Германская экспансия на восток, ее история и идеологические корни // Новая и новейшая история. 1961. №3. С. 46—57.
16. Шаскольский И. П. Невская битва и защита русской земли // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995.
17. Шаскольский И. П. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240—1242 гг. против Руси // Исторические записки. АН СССР, Ин-т истории. М., 1951. Т. 37. С. 169—189.
18. Шенк Ф. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М., 2007.

Об авторе

Максим Евгеньевич Мегем — асп., Российский государственный университет им. И. Канта, e-mail: megem@yandex.ru

Author

Maxim Megem, PhD student, IKSUR, e-mail: megem@yandex.ru